

ТРОПОЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства

Труды САИПИ. Вып. IV

ТРОПОЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

*Сборник научных трудов,
посвящённый юбилею
Марианны Арташировны Дэвлет*

КЕМЕРОВО
2008

УДК[903(517.1/5)+7.031.1"637"] (082)

ББК Т4(2Р5)я54

Т74

Редакторы:

докт. ист. наук Д. Г. Савинов

докт. ист. наук О. С. Советова

Рецензенты:

докт. культурологии Л. С. Марсадоллов

канд. исторических наук Н. А. Боковенко

Оформление:

Е. А. Миклашевич

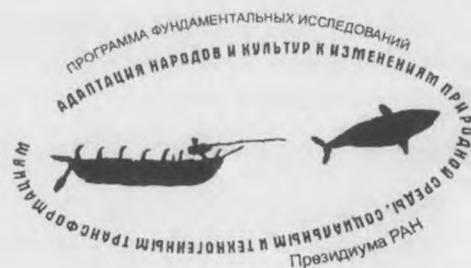
Т74

Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет / под ред. Д. Г. Савинова, О. С. Советовой. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 188 стр. + 16 стр. цв. вкл. – Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IV.

Сборник научных трудов, посвящённый 75-летию со дня рождения известного российского археолога, ведущего специалиста в области изучения наскального искусства, доктора исторических наук Марианны Арташировны Дэвлет. Содержит статьи, связанные с проблемами изучения семантики и хронологии изображений на скалах, курганных плитах, изваяниях, предметах мелкой пластики. Рассматриваются также вопросы истории науки и сохранения памятников.

Адресуется археологам, историкам, искусствоведам и всем, интересующимся памятниками древнего и средневекового искусства.

Издание осуществлено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 5-202-00183-5

Подписано к печати 13.06.2008. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,86 + 1,86 л. цв. вкл. Тираж 500 экз. Заказ № 392.

Отпечатано в типографии издательства "Кузбассвуиздат".

650043, Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел.: (3842) 58-34-48 www.kvi.bip.ru

© Авторы статей, 2008

© САИПИ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ Марианны Арташировны Дэвлет	6
Советова О. С., Китова Л. Ю. МАРИАННА АРТАШИРОВНА ДЭВЛЕТ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	17
Мартынов А. И. УЧЁНЫЙ И ЕГО ВКЛАД В НАУКУ (К ЮБИЛЕЮ М. А. ДЭВЛЕТ)	24
Шер Я. А. ПЕТРОГЛИФЫ – ДРЕВНЕЙШИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР	28
Молодин В. И., Ефремова Н. С. «МОЛИТВА В КАМНЕ». К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПАМЯТНИКА КУЧЕРЛА-1 (КУЙЛЮ) В ГОРНОМ АЛТАЕ	35
Савинов Д. Г. «МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ» НА СКАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ	40
Чугунов К. В. ПЛИТЫ С ПЕТРОГЛИФАМИ В КОМПЛЕКСЕ КУРГАНА АРЖАН-2 (К ХРОНОЛОГИИ АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО СТИЛЯ)	53
Ермоленко Л. Н. ЭЛЕМЕНТЫ ГРОТЕСКА ВО ВНЕШНОСТИ «ГЕРОИЧЕСКИХ» ПЕРСОНАЖЕЙ (ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ)	70
Есин Ю. Н. «СОЛНЦЕГОЛОВЫЕ» ИЗОБРАЖЕНИЯ В РАННЕОКУНЕВСКОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ.	81
Черемисин Д. В. К СЕМАНТИКЕ ОБРАЗА КЛЮВОГОЛОВОГО ОЛЕНЯ В ПАЗЫРЫКСКОМ ИСКУССТВЕ	99
Панкова С. В. «ФИГУРЫ-ЛОПАСТИ» НА ТАШТЫКСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ЛОШАДЕЙ	106
Русакова И. Д. НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ БОЯРСКОГО ХРЕБТА (БОЯРЫ I А)	115
Килуновская М. Е. БЫКИ СААМЧЫЫРА	124
Ожередов Ю. И. ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ ИЗ СОМОННОГО ЦЕНТРА ЭРДЭНЭ-БУРЭН В ХОВДСКОМ АЙМАКЕ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ	131
Ковтун И. В. ДРЕВНЕЙШЕЕ СКУЛЬПТУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОШАДИНЫХ «ПРИЧЁСОК» В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	139
Бобров В. В. НОВАЯ НАХОДКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ..	144
Король Г. Г. ЕНИСЕЙСКАЯ БОГИНЯ–МАТЬ (ОБРАЗЦЫ ДЕКОРА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ МАЛЫХ ФОРМ)	147
Миклашевич Е. А., Ожередов Ю. И. ФОТОГРАФИИ СИБИРСКИХ ПИСАНИЦ В НАСЛЕДИИ А. В. АДРИАНОВА	156
Список сокращений	188

Ю. И. Ожередов (Томск)

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ ИЗ СОМОННОГО ЦЕНТРА ЭРДЭНЭ-БУРЭН В ХОВДСКОМ АЙМАКЕ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

В 2007 г. совместная экспедиция Ховдского и Томского университетов продолжила полевую работу по подготовке историко-культурной карты Западной Монголии. Было обследовано 109 объектов на территории Ховдского, Баян-Ульгийского, Гоби-Алтайского и Завханского аймаков.

Особую группу среди них составили каменные статуарные памятники эпохи ранних кочевников и средневековья: 5 оленных камней и 7 тюркских скульптур. Прорисовки с двух изваяний были ранее опубликованы, но как выяснилось, требуют дополнений и уточнений. В настоящей работе хотелось бы вновь обратиться к оленному камню из Ховдского аймака, впервые изученному и введённому в научный оборот В. В. Волковым [1981, с. 146; 2002, табл. 23-2] (**рис. III-1**). К великому сожалению, личное моё знакомство с Виталием Васильевичем, запланированное в ноябре 2000 г. по рекомендации М. А. Дэвлет, не состоялось, так как буквально накануне назначенной даты его жизнь оборвалась. Памятью об учёном остались его труды, среди которых особое место занимает монография «Оленные камни Монголии». Переизданная и дополненная по инициативе и при прямом участии М. А. Дэвлет в 2002 году, она обрела новую жизнь и стала доступным руководством для исследователей, работающих в Монголии.

Один из «камней В. В. Волкова» ныне стоит на бетонном постаменте рядом со зданием администрации в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн Ховдского аймака ($48^{\circ}30'10,1''$; $91^{\circ}26'57,7''$) (**рис. I, II**). Олений камень был перенесён сюда из местечка Хонгион Бэлчир главой сомона Б. Цэрэнбадамом и учителем Н. Насраем в 1988 г. после того, как его сбил автомобиль, двигавшийся по дороге, проложенной вплотную к камню (информация уроженца Эрдэнэ-Бурэна преподавателя Ховдского университета Бурэн Аривжих Д.). Задолго до этих событий камень был изучен В. В. Волковым и во втором издании дислоцирован «по дороге из Баян-Ульги в Ховд» [1981, с. 146, рис. 2; 2002, табл. 23-2]. Вслед за ним камень обследовал Ю. С. Худяков (**рис. III-2**), использовавший прорисовку для демонстрации одного из типов оленных камней и упомянувший местом нахождения памятника «Бугэн-хушот» [1987, рис. 2-3]. Эти первые публикации не дают описания изваяния и имеют композиционные лакуны, которые важно устранить для полноты его научной характеристики.

Высота стелы от поверхности постамента составляет 171 см, а замурованная в бетон часть, видимо, не менее 50 см. В поперечном сечении изваяние представляет собой треугольник с предельными параметрами сторон $40 \times 23 \times 49$ см. От центра вверх и вниз стела сужается, что обусловлено ромбовидной в плане формой туловища, которое к тому же резко расширяется у основания. С тыльной стороны вершину венчает выемка, похожая на приоткрытую пасть, а в целом форма стелы напоминает тело крупной рыбы, стоящей на хвостовом плавнике. Блок тёмно-серой породы местами покрыт жёлто-коричневой коркой, напоминающей известковый натёк мощностью 2-4 мм. Загар придал корке светло-коричневый оттенок, ставший фоном для глубоко выбитых изображений в верхней половине двух плоскостей стелы. На нижней половине корка отсутствует, но там наблюдается другой тип загара, проявляющийся в виде пятен серо-коричневого налёта на коренной тёмно-серой поверхности, по которому выбито несколько фигур. Тыльная сторона без загара, и изображения нанесены непосредственно на тёмно-серую коренную поверхность камня.

Рис. II. Карта. Эрдэнэ-Бурэн

Рис. I. Олений камень у здания администрации в Эрдэнэ-Бурэн.

Две грани, обращённые к югу, разделены ребром, но достаточно хорошо видны в одной проекции (рис. IV). Техникой сплошной выбивки с последующей шлифовкой на камень нанесены изображения декоративных клювовидных оленей, кинжала и коленчатого ножа с кольчатыми наконечниками, крюка с петлёй, лука в горите, стилизованной личины, зеркала, горного козла и хвостатого животного, напоминающего молодого безрогого сарлыка. Предметы вооружения сосредоточены у пояса символического воина с левой стороны и хорошо прочтываются.

В отношении пространственного размещения изображений мастер не был ограничен, поэтому рисунки иногда распространяются на обе плоскости, так, например, рога верхнего оленя с правой плоскости заходят на левую. Летящие олени при общем сходстве в рамках сложившегося канона имеют стилистические различия в оформлении туловища. Одни из них с полным корпусом, у других он как будто обрублен и имеет конусовидное завершение. При этом существует и целый ряд объединяющих признаков: все они профильные, декоративно стилизованные с изогнутыми вытянутыми острогорбыми туловищами. Птичьи головы снабжены приоткрытым клювом и глазом со зрачком. Рога волнами с круто закрученными назад «гребешками» S-образной формы располагаются в один или два ряда над спиной, достигая крупа. От головы вперёд уходят одна-три волнистые линии передних отростков рогов, не выходящих за пределы длины «клюва». Конечности показаны короткими отростками, иногда их нет, а иногда имеются только передние или задние. Стилизация оленьего образа в некоторых эпизодах приближается к знаковой, подразумевающей наличие лишь головы с рогами.

Лицевая плоскость. Обе передние плоскости обращены на юг. Однако идейно доминирует здесь левая от зрителя, под вершиной которой изображена фигура, очень напоминающая стилизованную «личину», переданную в форме кольца с левым «ухом», показанным в виде овала. Противоположная сторона кольца попала в зону утраты, поэтому правое «ухо» отсутствует. Внутри кольца выбиты три колечка, два из которых соединены снизу дужкой. Кольца и дужка, вероятно, символизируют в схематичном варианте глаза и рот, а колечко на «лбу» – мифический третий глаз. На прорисовках В. В. Волкова и Ю. С. Худякова личина представлена кольцом с дужкой на внешней стороне, но без внутренних деталей (рис. III).

Над личиной контурной линией изображено животное, повернутое вправо. На рисунке В. В. Волкова эта фигура дана в форме кольца с дугообразным отростком и меньшим кольцом

Рис. III. Олений камень
из Эрдэнэ-Бурэн:
1 - по В. В. Волкову;
2 - по Ю. С. Худякову.

Рис. IV. Олений камень из Эрдэнэ-Бурэна.
Прорисовка автора.

по сторонам. У Ю. С. Худякова здесь показан сложный знак, напоминающий тамгу. Однако на камне хорошо видно, что передние конечности животного показаны прямой, сужающейся книзу линией. Задние конечности также сужаются вниз и слегка изогнуты в верхней части. Эффект замкнутости передних и задних конечностей в сплошное кольцо, зафиксированное В. В. Волковым, создаёт полоса, продолжающая линию задних конечностей в сторону передних. Однако у точки встречи этой линии и передних конечностей образован угол, а не дуга, как у В. В. Волкова. На прорисовке Ю. С. Худякова соединительной линии нет совсем, но передняя часть фигуры животного изображена неточно: вместо крупной головы с крутым изгибом лба и точкой, отметившей глаз, изображена неинформативная изогнутая линия.

Под «личинкой» располагаются наискось поперёк оленьи рога отростками вниз и три фигуры оленей, летящих вверх и чуть вправо. Два изображены полностью, но различаются по форме туловищ: полное и «обрубленное». У подножия по серо-коричневому загару (второй тип патинирования) нанесён ещё один олень, летящий вверх влево. На прорисовках предшественников нижние фигуры отсутствуют, видимо потому, что тогда эта часть изваяния находилась в земле. Фигура оленя видна не столь явно, как верхние на светлой корке, но всё же просматриваются круто изогнутое «обрубленное» туловище, голова с длинным раздвоенным «клювом», отростки задних конечностей и часть волнистой линии рогов. Лёгкими выступами намечены передние и задние конечности. Голова попала в зону разрушения, поэтому утрачена её внутренняя часть. Над фигурой идёт обширная зона разрушения поверхности, в которой сохранился участок корич-

невого загара, где имеется фрагмент полосы с окончанием в форме С-образной дужки. Выше очень слабо прослеживаются волнистые линии, видимо, следы рогов утраченных фигур оленей. На этой же плоскости внизу справа нанесено изображение горного козла, направленного головой вниз. Оно выбито много позже и не относится к основной композиции.

Боковая (правая от зрителя) плоскость. В верхней её части по светлой корке нанесены изображения четырёх оленей, выстроившихся «уступом» друг к другу. Три первых обращены вправо. Верхний попал в зону разрушения светлой корки и недостающая передняя часть его продолжена по тёмно-серой поверхности. Однако образ не завершён, так как голова отмечена лишь линией ветвистых рогов. Два нижеследующих оленя прорисованы в вертикальной позиции, у переднего разрушение в области головы. Третий, ориентированный влево, обладает только головой с линией рогов, обращённых назад, и передними отростками. Между первым и вторым оленями с краю сохранилось фрагментированное дисковидное углубление, которое может трактоваться как зеркало, а под вершиной – серия плохо различимых линий, возможно рога оленя.

На прорисовках предшественников детально проработана группа предметов на поясе. Но и в этой части имеются неточности: у Ю. С. Худякова кинжал изображён без кольца, кольцо рукояти ножа показано с круглым отверстием, а окончания кинжала и ножа даны расширенными, как будто они находятся в ножнах. На самом деле в обоих случаях показаны обнажённые клинки. У В. В. Волкова они изображены именно так, но рукоять кинжала имеет сплошное массивное расширение, в котором нет проёма-кольца. Также у обоих авторов не совсем точно отражено расположение лука в горите: последний занимает лишь часть объёма горита, так что за тетивой остаётся свободное пространство (для стрел?). Все предметы, кроме зеркала, располагаются чуть ниже середины стелы на правой лицевой плоскости или с левой стороны символического воина. Пояс показан сплошной полосой, на которую подвешены слева направо: фигурка безрогатого оленя, крюк на шнурке, широкий кинжал, кольчатый кривообушной нож с отверстием сердцевидной формы и лук в горите.

В общей сложности на лицевой стороне насчитывается девять оленей: четыре на левой и пять на правой плоскости. В одном случае изображена только голова. У В. В. Волкова на двух частях прорисовки показана часть левой плоскости с тремя оленями и часть правой с оружием и фрагментами оленей. Ю. С. Худяков отметил на левой плоскости два, а на правой четыре оленя. При этом верхний правый прорисован лишь в той части, которая нанесена по корке, а имеющееся продолжение на серой коренной поверхности упущено. Прорисованы только рога, уходящие в зону разрушения светлой корки.

Тыльная сторона. На рисунках предшественников изображения на этой плоскости не отмечены, возможно, из-за их плохой видимости. Наиболее различима здесь фигура в верхней части: олень с острым горбом, едва видными короткими задними ногами и намеченными передними. Голова – с длинным, раздвоенным на конце «клювом» и с волной рогов над вытянутой мордой и над спиной, вплоть до горба. Второй олень располагается вертикально, рядом с горитом на уровне пояса. По своей форме и параметрам он близок первой фигурке, подвешенной к поясу, и возможно, является парным ей. Чуть выше и правее него овальными лунками обозначено кольцо или овал диаметром примерно 25 см. Выбивка настолько слаба, что лунки в количестве 12-15 шт. просматриваются лишь в косых лучах. Нечёткие пятна на других участках, возможно, также какие-то нечитаемые теперь образы.

Ряд наблюдений наводит на мысль, что изначально оленный камень имел иную геометрию. В пользу этого предположения свидетельствуют отсутствие светлой корки в нижней половине, обрывы изображений на её границе, добавление снесённых деталей, новая патина, и наконец, необычная форма камня. Вероятно, сначала камень имел прямоугольные очертания и был полностью занят оленями. Причиной переделки могла стать необходимость получить новую (рыбообразную) форму. Такое намерение подтверждается целым рядом фактов, отмеченных в литературе, посвящённой находкам на Кавказе и в Северной Монголии статуй рыб – вишапов.

Поднятая И. И. Мещаниновым [1925] тема имела многочисленных продолжателей [Марр, Смирнов, 1931; Пиотровский, 1939; Мелик-Бекон, 1947 и др.]. Затронутые вопросы оказались гораздо глубже как во времени и пространстве, так и в семантическом отношении. Выяснилось, что эта проблема актуальна не только для культур отдельных регионов, но практически для всей Евразии, а истоки её уходят не менее, чем в V тыс. до н. э. [Топоров, 1998, с. 391-393; Соколов, 1998, с. 393]. На интересующей нас территории Монголии и сопредельной Южной Сибири тема сакральных рыб материализуется в эпоху оленных камней, что подтверждается рядом фактов. М. Х. Маннай-оол в своё время писал, что древние каменотёсы «часто придавали оленным камням форму гигантской рыбы» [1970, с. 28]. Под впечатлением увиденных форм и существовавших к тому времени научных представлений, Л. Р. Кызласов использовал для одного из типов оленных камней Тувы наименование – «рыбообразные изваяния» [1978, с. 27-29]. Однако публикуемый камень не попадает напрямую в выделенную Л. Р. Кызласовым группу, так как он даже более «рыбообразен», нежели стелы, подразумевающиеся под этим понятием. Оленные камни тувинского типа широко распространены в Западной Монголии, но очень отличаются от эрдэнэбурэнского образца.

Для семантического осмысления и освещения темы рыб в древнем искусстве необходимо взглянуть на проблему несколько шире, не ограничиваясь только изучением статуарной литопластики. Имеющийся ряд артефактов и публикаций даёт достаточно обширный круг материалов для того, чтобы убедиться в неслучайности этой темы в культурах кочевников эпохи бронзы и последующих времён. Можно упомянуть обследованный мною оленный камень с двумя рыбами близ г. Улиастай в Завханском аймаке (открыт В. В. Волковым [2002, табл. 108]), бронзовую фигурку рыбки (ранний железный век – средневековье) и два зеркала с парой резвящихся рыб (XII в.) из хакасско-минусинских собраний МАЭС ТГУ, а также бронзовую крышку с двумя рыбами из сборов на территории Западной Монголии (рис. V–VII).

Литературные источники дают ещё более представительный и разнообразный корпус материалов. Что касается изваяний, то в дополнение к названным, стоит добавить упоминание И. И. Мещанинова о ритуальном камне в виде стоящих на хвостах рыб-змей на берегу озера Долмо-Нор [Щеброва, 2005, с. 207]. Обширный ряд мобильных артефактов включает, прежде всего, находки из пазырыкских могил: парные седельные подвески из могильников Ак-Алаха-I, Пазырык-I, Башадар-II [Руденко, 1953; Полосьмак, 2001, с. 221-223, рис. 165; Черемисин, 2006, с. 331], поясные подвески из Узунтала-III, Уландрыка-IV, Юстыда-XII, Барбугазы-I, а также изображения рыб в Берели, Чиликтинском кургане и татуировка на теле мужчины из Пазырыка [Руденко, 1953; Кубарев, 1991, с. 93, 94; Черемисин, 2006, с. 331].

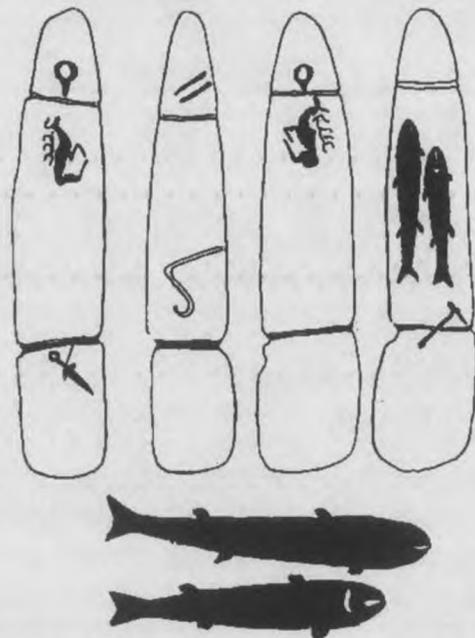

Рис. V. Оленный камень близ г. Улиастай (по В. В. Волкову).

Рис. VI. Оленный камень близ г. Улиастай (фото автора).

1

2

3

Рис. VII. Изображения рыб на предметах из коллекций МАЭС ТГУ.

1 - китайское зеркало; 2 - подвеска;

3 - крышка из Шар-Сум.

1, 2 - Минусинская котловина;

3 - Западная Монголия.

К ним же примыкает бронзовая подвеска-амулет «парные рыбы» из минусинских степей [Клеменц, 1886, табл. VIII-15].

Не вызывает сомнений, что перечисленные примеры являются звеньями единой семиотической цепи, в состав которой также входит пара священных рыб (красных карпов) из китайской мифологии. Это именно они изображены на зеркалах из минусинских степей и крышке из Монголии. Но самым важным в данном случае является то, что они же отражены на символической схеме бинарного сочетания инь – ян (женского – мужского) в форме двух стилизованных рыб (чёрной – белой), сомкнувшихся в круге. Вероятно, слияние двух этих определяющих жизнь начал в образе пары рыб и есть идейная первооснова изображений на большинстве из названных археологических находок. Подтверждением этой мысли в какой-то мере могут быть мифологические сюжеты, где мужчина ассоциирован с рыбой, а его активность направлена на похищение женщины, которая в контексте также становится гидрой-рыбой. С этим слиянием наступает сакральная гармония и равновесие мироздания. Образ такого рода брачной пары стал причиной осмысления рыб в качестве символов плодородия [Топоров, 1998, с. 392, 393; Тресиддер, 2001, с. 316, 317; Словарь..., 2006, с. 172, 173]; и не только, видимо, из-за многочисленных икринок, но и из-за более понятного человеку межполового взаимодействия. Отсутствие такового в мире реальных рыб, напротив, породило ассоциацию асексуальности и бездействия. Хотя иногда рыбы отождествляются с фаллосом и становятся причиной сакрального зачатия. Например, бурятский миф в знаковом виде повествует о священном коитусе, случившемся с проникновением пёстрого налима в береговую щель [Жамбалова, 2000, с. 194]. Одновременно рыбы выступают хтоническими персонажами, представляющими потусторонний мир, что стало поводом причислить их к ряду существ, причастных к смерти и возрождению, к отправлению похоронных ритуалов [Тресиддер, 2001, с. 317; Словарь..., 2006, с. 173].

Другим семантическим аспектом темы рыб в древнем мировоззрении и искусстве, раскрывающемся на ряде артефактов, становится более частный, но не менее интересный вопрос, на который пока нет ответа. Он связан с позиционированием рыб вертикально на хвосте. Именно так установлен олений камень в Эрдэнэ-Бурэне, камень у оз. Долмо-Нор, так расположены выбитые изображения рыб на оленном камне близ г. Улиастай,¹ рыбы на крышке из Шар-Сум, пазырыкских седельных подвесках, минусинском амулете, татуировка на правой ноге пазырыкского вождя. Тема пока открыта и требует дополнительных исследований.

¹ На фото камень показан вкопанным основанием вверх, так как на нём выбита тюркская баба, поэтому рыбы – вверх хвостами.

Возвращаясь к вопросу переделки стелы, попробуем определить, когда это могло произойти. Если такое действительно случилось, то между обработкой стелы и нанесением на неё новых изображений прошло время, достаточное для образования нового загара, но в пределах существования одной идеологии, так как поздние рисунки идейно родственны ранним. В таком случае переделки произведены в период карасукской эпохи. В соответствии с периодизацией оленных камней, предложенной Э. А. Новгородовой, верхние изображения оленей, включая «личину», появились в период развитой карасукской культуры (конец II тыс. до н. э.), а нижние (пояс с оружием) на её финальном (VIII в. до н. э.) или переходном этапе (VIII-VII вв. до н. э.). Обоснованием нижней даты могут быть характерные признаки, свойственные оленным камням второго периода: отсутствие широкого орнаментированного пояса, кинжал с кольчатым навершием и прямым пластинчатым перекрестьем [Новгородова, 1989, с. 191, 195, 200, 201]. Правда, такая дата противоречит наличию на поясе декоративного оленя. Но вместе с тем, его присутствие может быть объяснено копированием идейно важного образа предшествующего времени для применения в качестве поясной подвески-амулета тотемного характера, подобно вышеупомянутым пазырыкским поясным и седельным подвескам. Кроме того, он отличается от чисто декоративных образцов дополнительной стилизацией – отсутствием ветвистых рогов и выглядит более как предмет поясного набора, сохраняя при этом свою внутреннюю знаковую.

Семантика поясного набора восходит к символике мужчины – воина и охотника, наполняя, таким образом, содержательным текстом само изваяние. Ощущается стремление художника подчеркнуть существенно важные знаки мужского и воинского статуса. Рассматривая в данном контексте поясное изображение летящего оленя, следует признать его не случайным композиционным элементом, а реальной деталью магического воинского убранства вместе с другими, во многом символическими, изображениями. Это могла быть подвеска, аналогичная тем, которые в форме рыб найдены в пазырыкских могилах. Вместе с тем, символизм прежде всего касается лука в горите, миниатюрный масштаб которого можно расценивать только с такой точки зрения. Таким образом, символические миниатюрные предметы вооружения и подвеска в виде фигурки оленя могли являться, наряду с реально масштабированными предметами, составными элементами комплекса воина, существенно важного в утилитарном и магическом отношении. В контексте магических инструментов, вероятно, находился и крюк на шнуре. В литературе до сих пор не предложено объяснение назначения поясных крюков. В тех случаях, когда на изваянии имеется изображение лука в горите, отпадает самая простая версия о колчанном крюке.

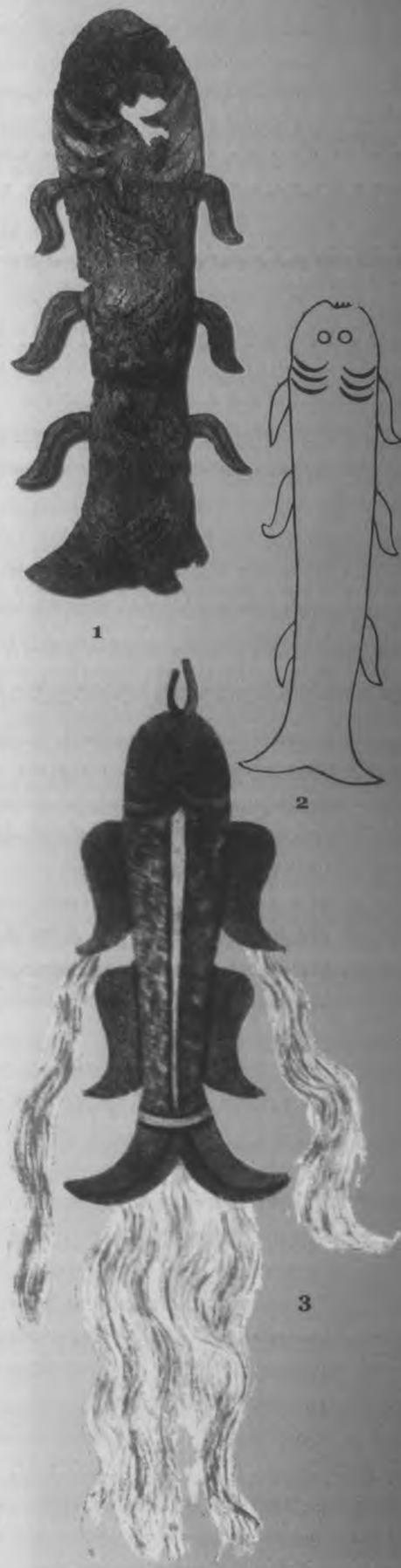

Рис. VIII. Изображения рыб в пазырыкской культуре. На седельных подвесках: 1 - из могильника Ак-Алаха (по Н. В. Полосьмак); 3 - из могильника Пазырык; 2 - татуировка на ноге мужчины из могильника Пазырык (по С. И. Руденко).

Вместе с тем, в комплексе с сакрализованным оружием крюк предполагает аналогичное осмысление, подкреплённое реальной ритуальной функцией. В данном контексте предположим, что поясные крюки могли служить для подвешивания сакральных трофеев, например, скальпов или отрубленных голов противников, которые, как известно, носили у пояса. Так, например, поступали манси, которые считали, что снятием скальпа «убитому преграждалось возвращение к жизни» [Каннисто, 1988, с. 9]. Герой старинного предания долго боролся со злыми духами и, в конце концов, он их победил, после чего «снял он с трижды семи лесных духов скальпы и повесил их всех на пояс» [Там же, с. 162]. Общепризнано, что угорские народы восприняли много мировоззренческих черт от кочевников индоиранцев, поэтому приведённый пример представляется вполне уместной иллюстрацией древних воинских обычаев, сохранившихся в традиционной культуре народов тайги.

Вопросы семантического осмысления оленных камней ещё во многом открыты и требуют изучения, поэтому ограничусь предположениями, которые, возможно, найдут свои подтверждения или будут мотивированно отвергнуты.

Библиография

- Волков В. В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор, 1981.
- Волков В. В.** Оленные камни Монголии. – М., 2002.
- Жамбалова С. Г.** Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. – Новосибирск, 2000.
- Каннисто А.** Материалы к мифологии вогулов. – Новосибирск, 1988. Перевод № 14382/1,2. Государственная публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР.
- Клеменц Д.** Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Альбом рисунков. – Томск, 1886.
- Кубарев В. Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991.
- Кызласов Л. Р.** К изучению оленных камней и менгиров // Ранние кочевники. – М., 1978. (КСИА. Вып. 154.).
- Маннай-оол М. Х.** Тува в скифское время (уюкская культура). – М., 1970.
- Марр Н. Я., Смирнов Я. И.** Вишапы // Труды ГАИМК. – Л., 1931. Т. 1.
- Мелик-Бекоев Л.** Вишапы и вишапоиды Грузии // КСИИМК, 1947. Т. 15.
- Мещанинов И. И.** Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. – Л., 1925.
- Новгородова Э. А.** Древняя Монголия. – М., 1989.
- Ожередов Ю. И., Плетнёва Л. М., Масумото Т.** Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского ТГУ // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Томск, 2008.
- Пиотровский Б. Б.** Вишапы. – Л., 1939.
- Полосьмак Н. В.** Всадники Укока. – Новосибирск, 2001.
- Руденко С. И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953.
- Словарь символов и знаков.** – М., Минск, 2006.
- Соколов М. Н.** Рыба // Мифы народов мира. Т. II. – М., 1998.
- Топоров В. Н.** Рыба // Мифы народов мира. Т. II. – М., 1998.
- Тресиддер Д.** Словарь символов. – М., 2001.
- Худяков Ю. С.** Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.
- Черемисин Д. В.** Семантика искусства звериного стиля пазырыкской культуры (по материалам мерзлотных погребений Юго-Восточного Алтая) // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск, 2006.
- Щеброва С. Я.** Образ рыбы в скифской «картине мира» // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005.

К статье Ю. И. Ожередова.
Олений камень из Эрдэнэ-Бурэна.
(Фото автора).

